

Загадочная книга

ПРОФЕССИОНАЛЬНО ИСПОЛНЯЯ ФУНКЦИЮ ПОЭЗИИ

Шацков А. В. Первозимье. Стихотворения. — М.: Вест-Консалтинг, 2017. — 132 с.

С поэтом Андреем Шацковым я знаком уже без малого десять лет и за это время никогда не видел его играющим — только живущим...

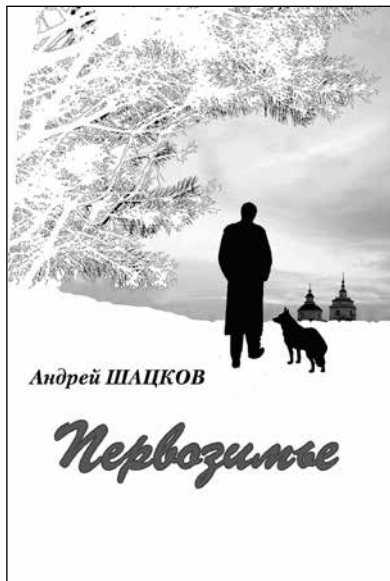
В настоящем эссе мне хочется раскрыть удивительное качество поэта — способность перевоплощаться. И обозначить Андрея Шацкова поэтические лики.

Вот Шацков — России (не Сирии, не всего мира...) поэт:

Чьи истоки — в библейской местности,
У подножья высоких гор...
У России — свои окрестности,
У России — свой разговор.
Хоть над Сирией — небо синее.
Над Россией — еще синей.
«Иордани» в морозном инее.
Грай вороний да скрип саней.
(Крещенский ноктюрн у истоков Рузы)

А вот — поэт «малой родины» Подмосковья:

И покуда в Подмосковье сливы
С шорохом ложатся на траву,
Наслаждаюсь этим днем дождливым
И целую мокрую листву!
(Осенний манифест)

Вот — осчастливленный друг, в «толпе личин и теней»:

Как много сравнений, как мало участия
Толпы, где мелькают личины и тени.
Лишь утром приходит короткое счастье,
Собачьим дыханьем, уткнувшись в колени.
(Последняя любовь)

А вот — растерявшийся человек:

Наваждение скроется
в плавной дуге поворота.
Возвращаясь назад, на свои запасные пути...
Только с замершим сердцем
творится неладное что-то.
Только ноги не знают,
куда в одиночку брести...
(Чудо пальцев твоих...)

Вот, завоевывая Сибирь, наблюдает за Ермаком из прибрежного камыша:

Играет Тобол, серебрится Иртыш.
И где-то из волн поднимаясь угрюмо,
Ермак раздвигает руками камыш,
Чтоб в призрачной схватке осилить Кучума.
(Тобольск)

А вот — молча философствует:

Что сказать? —
В безмолвье больше толка,
Чем в грозе грохочущих небес.
(Тишина)

Вот Шацков — третий жизнью русский человек:

«Цветы Богородицы» — лета привет,
Которое вовремя к нам не пришло...
Как жаль — не сложился о счастье сюжет,
Но это в России — обычное дело.
(Сюжет о зимних маргаритках)

А вот — метафизик, знающий о России сверх естества:

Россия, как княжна — нежна
И заговора знает слово.
(Лесное)

Вот — пилигрим:

По зелени, по травам след струящим,
Вдоль стерегущей Рузу тишины,
Средь прошлого — по грани с настоящим,
Бреду в свои предутренние сны.
(Весенние сны)

А вот — человек, скорбящий о былой славе родины:

Умолкли трубы ратной славы.
Свободы сны — умчались прочь.
На стогнах вековой державы
Царит удушливая ночь.
(Апостолы России)

Вот поэт совсем отчаялся:

Под вечер навалится... Впору не жить.
Светило ушло за леса и проселки.
Но там, за покосами, в облаке ржи,
Кричат перепелки, зовут перепелки.
(Сумерки)

А вот — открыл в глазах матери вечную любовь:

Светят глаза материнские
Звездами вечной любви!
(Ода матери)

И спасает душу:

Ну а душу, куда жива у поэта душа,
Отогреет любовь, что приходит душе во спасенье.
(Первозимье)

И верит, как малый ребенок, в сказки и чудеса России:

И лежат распахнутые сине:
Синь реки и синий свод небес
В окоем синь-лесов России —
Колыбели сказок и чудес!
(Яблочный спас)

Поэт состояний, разный Андрей Шацков понятен разным людям.

Но поэт не останавливается. И проявляется в явленном ясно лике — в недосказах, загадках... Профессионально исполняя функцию поэзии — разбудить мысль, ускорить — по Бродскому — сознание, подтолкнуть человека к собственному поиску. К внутренней работе.

Тишина сочится, но, однако,
Люди не заметят тишины,

Что приходит таинством к поэту
Накануне новых смутных строк...
(Тишина)

Почему люди не заметят, а поэт замечает?

И запламенеют астры скоро,
И покроют росы стезю-след...
И с вершины дальнего Фавора
На меня падет библейский свет!
(Яблочный спас)

Как это — падет? И почему «на меня»? А на других...

Ты — женщина-ода!
Из букв и старинных рунир,
Которые могут сложиться
в неожиданном порядке
И силою слова родить удивительный мир,
Который поэт непременно
оставит в тетрадке.
(Ты — женщина!..)

Неужели сможет оставить — весь удивительный
мир в одной тетрадке?

Земля моя! Приходит твой черед!
Оставь врагу сомнения и страхи.
Тверды клинки и так белы рубахи.
И правое плечо «Марш-марш» вперед!
(Реснота)

Приходит черед чего? Очередного боя? С кем? За
что?

И странны были эти чудеса,
И морок ледяного подсознанья...
(Черный снег)

Что это — «ледяное подсознанье»?

Вопросы, вопросы... И не обратиться к автору за
разъяснениями. Неловко как-то обращаться... Да и не
обязан поэт разъяснять свои стихи. Наоборот, дол-
жен скрывать лик знающего ответы... Что Андрей
Шацков и делает...

Но что удивительно... Загадав множество загадок,
поэт открывается еще в одном качестве — человека,
«не дорешившего» главную... загадку бытия!

Перемешав с последним шагом вздох,
С последним вздохом — шаг перемешав,
Я ухожу — свидетель двух эпох,
Загадки бытия не дорешав.
(Перемешав с последним шагом вздох...)

Так и должно быть!

Владимир Хохлев